

Рецензии

А.В. Панцов. Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507[5] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 175); Александр Панцов. Непобежденный: Подлинная история Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507[5] с.: ил.

Известный китаевед А.В. Панцов работает в разных областях новейшей истории. Но широкий читатель знает его прежде всего как автора биографий крупнейших деятелей компартии Китая — Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, вышедших в серии ЖЗЛ. Продолжением этого проекта стало жизнеописание главного противника КПК в XX веке Чан Кайши (1887–1975), лидера партии Гоминьдан, руководителя Китайской Республики (1928–1949 гг.) и гоминьдановского режима на Тайване.

Издательство «Молодая гвардия» подготовило читателю два странных сюрприза: выпуск одной книги под двумя разными обложками и названиями и отказ от научного аппарата, в том числе указателей и даже ссылок — главного инструмента верификации текста для читателя, которому предстоит удовлетвориться сжатым списком избранных работ Чан Кайши и публикаций о нем. Мотивы новаций понятны: замена заглавия на более привлекательное с точки зрения маркетологов и экономия на издательских расходах. Но выглядит это как проявление неуважения и к автору, лишенному возможности доказать полноту и достоверность своего труда, и к тем читателям, которые оценивают не только беллетристические достоинства текста. Насколько разнообразны первоисточники и обоснован их выбор? Позволяют ли они проверить утверждения автора? Учел ли он достижения и ошибки тех, кто писал на эту и близкие темы прежде? Эти соображения важны для многих поклонников серии ЖЗЛ.

К счастью, автор книги дал возможность рецензенту ознакомиться с рукописью, снабженной более полной библиографией и ссылками. В книге библиографический список включает 66 позиций, на деле использовано во много раз больше, что видно по содержанию ссылок (их в рукописи более двух тысяч). Среди первоисточников — документы и материалы — как опубликованные, так и обнаруженные в российских, китайских и американских архивах, свидетельства участников событий, включая

дневники Чан Кайши, материалы прессы на русском, китайском и западноевропейских языках, использованные научные исследования.

Фамилия и имя героя книги на государственном языке Китая произносятся как Цзян Цзэши, а своей популярной фонетической версией они обязаны гуандунскому (кантонскому) диалекту (с пров. Гуандун начался карьерный рост Чана Кайши и его медийная популярность) и, видимо, ошибочному прочтению фамилии в старой английской транскрипции Уэйда-Джайлза (Chiang). В прологе автор задает измерения личности Чана: с одной стороны, «коварный, хитрый и алчущий неограниченной власти правитель», с другой — «борец за национальное освобождение», «патриот, выдающийся политический и военный деятель», «архитектор нового республиканского Китая, герой Второй мировой войны», «мечтатель о всеобщем равенстве» (с. 9).

Книга разделена на шесть частей. В первой («Твердый как камень» — отсылка к значению иероглифов имени Цзэши) описан период от рождения будущего политического лидера в деревне Сикоу уезда Фэнхуа пров. Чжэцзян, в семье не слишком богатого торговца солью до конца 1921 г., когда он вошел в число помощников Сунь Ятсена, временного президента Китая в 1911–1912 гг., одного из самых влиятельных вождей китайских националистов, боровшегося против пекинского правительства. Этот период ввел в себя учебу в деревенских школах, в уездном Фэнъяне, полгода в Баодинской военной школе ускоренного обучения, затем три года в японской военной школе «Симбу гакко», готовившей молодых китайцев к поступлению в среднее офицерское училище, участие в революционных и постреволюционных событиях в Китае. Туда он досрочно вернулся в 1911 г., прервав проходные практики в японской армии в статусе «унтер-офицера-стажера» и не успев поступить в офицерскую школу (с. 12–39).

В антимонархической Синьхайской революции он участвовал под крылом побрати-

ма Чэнь Цимэя, который еще в 1906 г. представил его Сунь Ятсену. Чан командовал отрядом во время захвата в Ханчжоу, в центре провинции Чжэцзян, а когда Чэнь Цимэй стал губернатором Шанхая, возглавил полк (с. 40–41). Он быстро вошел в среду чжэцзян-шанхайских революционеров и наладил связи в мафиозных кругах. Рутину командования недоукомплектованным полком Чан Кайши разнообразил участием в убийстве политического конкурента Чэнь Цимэя (в качестве исполнителя!), отъездами в Японию, изданием военного аналитического журнала (с. 41–44). После провала начавшейся в июле 1913 г. «второй революции», теперь против диктаторских притязаний президента Юань Шикая, Чан Кайши бежал в Японию. Там о нем напомнили Сунь Ятсену, который в 1914 г. организовал из остатков своих сторонников Революционную партию (Гэминдан), куда поначалу вошли лишь несколько сот человек, в том числе Чан.

Перипетии внутрикитайской политической борьбы 1911–1914 гг. автор обозначает намеренно схематично, но точно выверенными штрихами. Они позволяют привязать события в Китае к международному фону: в 1914 г. ведущие державы схватились в борьбе за передел мира, а на Дальнем Востоке «хозяйкой» пыталась стать Япония. В 1915 г. Юань Шикай задумал восстановить монархию — и получил «третью революцию». Тогда Сунь Ятсен охотно принимал деньги от японцев, пытавшихся воспользоваться его борьбой (с. 44). В 1915–1916 гг. Чан Кайши проявил себя главным образом как заговорщик: участвовал в подготовке убийства губернатора Шанхая, в попытке поднять восстание в этом городе, организовать мятеж в форте на Янцзы и т.п. (с. 45–50). В мае 1916 г. побратим Чэнь Цимэй стал жертвой убийцы, и Чан лишился покровительства сильной фигуры в окружении Сунь Ятсена.

Зато теперь он получал поручения непосредственно от вождя. В мае 1916 г. умер Юань Шикай, и в Китае началась борьба между региональными генеральскими кликами. В сентябре 1917 г. собравшаяся в Гуанчжоу часть депутатов распущенного в Пекине парламента избрала Сунь Ятсена главой военного правительства. Сунь немедленно приступил к подготовке похода на Север. План кампании взялся готовить Чан Кайши, убедивший вождя в своих оперативных дарованиях. Однако в них не верили командующий Гуандунской армией Чэнь Цзюньмин и его помощник: полковник Чан сначала со скандалом покинул должность начальника оперативного отдела штаба армии, а

потом часть под его командованием была разбита (с. 54–56). В 1918–1921 гг. он то выезжал на фронт, каждый раз не находя общего языка с армейским начальством, то снова уезжал в Шанхай или Японию. Дневники свидетельствуют о том, что тогда он придерживался вполне левых взглядов: был убежден в необходимости «разгромить капиталистов и *иэньши*» (с. 58), пытался разобраться в идеях социалистов и коммунистов и мечтал о поездке в Советскую Россию (с. 57–59).

В 1919 г. Сунь Ятсен реорганизовал свою партию, отказавшись от принципа личной присяги и назвав новую организацию Гоминьдан. В конце ноября он вновь возглавил военное правительство в Гуанчжоу (а перед тем оттуда опять уехал обиженный Чан Кайши, недолго покомандовавший корпусом в войсках Чэнь Цзюньмина и ставший наконец генералом). У Суня он бывал наездами и задержался только в 1921 г. для участия в Северном походе.

Примечательно, что А.В. Панцов не использует для усиления «развлекательности» криминальный аспект жизни Чан Кайши, источники личного дохода которого, помимо игры на бирже, были не очень определенными, зато разнообразными. Только на с. 54 мы видим упоминание о том, что, изыскивая средства для партии, в 1917 г. он участвовал в нападении на частный дом в Шанхае. Китайские же биографы подробно рассказывают о похищениях людей и вымогательствах, в которых был замешан будущий лидер Гоминьдана¹ (тем самым проведенная одним российским автором параллель между Чаном и усатым вождем страны Советов², который, по утверждениям других авторов, в молодости совершал «экс» на Кавказе, могла получить выразительное подкрепление). Не слишком акцентирует А.В. Панцов и благодатную тему интимной жизни Чана, затрагивая ее строго в русле раскрытия специфики времени и места, особенностей характера и уточнения обстоятельств жизни своего героя.

Вторая часть — «Антиимпериалистическая революция» — это история карьерного взлета, начинавшаяся не слишком многообещающе. Чан, в конце 1921 г. вернувшийся к

1. См., напр.: *Ван Гунъюань*. Цзян Цзэши цзаонянь: [Ранние годы Чан Кайши]. Пекин: Синьхуа шудянь, 2008 С. 91–93, 99, 125–126.

2. См.: *Галенович Ю.М.* Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: ИДВ РАН, 2008.

Сунь Ятсену, который вновь возглавил правительство на Юге и готовил Северный поход, обнаружил, что надежды на успех мероприятия призрачны, закапризничал, снова уехал — и вернулся только в конце июня 1922 г., когда против Суня поднял мятеж популярный в Гуандуне военный министр и министр внутренних дел южного правительства Чэнь Цзюньмин. Чан оказался единственным из близких соратников вождя, который смог присоединиться к нему на борту канонерки «Юнфэн» (в книге названа крейсером, как принято в китайской историографии), и помог Суню бежать в Шанхай. Совместная эпопея эмоционально сблизила лидера партии и его последователя, снабжавшего Суня проектами военных кампаний, планировавшихся с территории Монголии, что требовало содействия Советской России, с представителями которой Сунь вел переговоры (с. 80–83).

Карьеру Чан Кайши подтолкнули события, связанные с установлением сотрудничества Гоминьдана с ВКП(б) и Коминтерном. Во-первых, в августе 1923 г. он возглавил делегацию Гоминьдана в Москву и выполнил дипломатическое поручение Суня, уточнив возможности и характер советской помощи. В Москве его принимали как «начальника штаба Сунь Ятсена», хотя штаб ставки Чан в 1923 г. возглавлял очень недолго, по обыкновению устроил скандал и подал в отставку. Во-вторых, в январе 1924 г. он был назначен председателем подготовительного комитета по организации офицерской школы. Школа напрямую подчинялась Сунь Ятсену, что избавляло Чана от контроля со стороны любых других лиц и инстанций. Наконец-то, отмечает А.В. Панцов, неуживчивый Чан «мог действовать без чьего-либо вмешательства в свои дела» (с. 90). При этом Чан Кайши не входил в руководящие органы Гоминьдана и даже на реорганизационном съезде в январе 1924 г. присутствовал без права голоса, т.е. имел невысокий статус в партии. Созданная с советской помощью военная школа Хуанпу (Вампу), как называли это учебное заведение по району дислокации, стала билетом Чана на гоминьдановский Олимп.

В книге описываются отношения Чан Кайши с соратниками по школе, с советскими советниками и китайскими коммунистами. Несколько теряются в широком историческом контексте важные наблюдения автора-историка — о провокационном со стороны Гоминьдана характере конфликта с купеческой милицией (октябрь 1924 г.), о мотивах поддержки школы Хуанпу со стороны советников, о перипетиях борьбы за власть в Гоминьдане после смерти

Сунь Ятсена в марте 1925 г., о логике событий 1925 г., связанных с бурным началом Национальной революции 1925–1927 гг., расширением южной революционной базы и внезапным скачком военной карьеры Чан Кайши — преддверием столь же стремительной политической карьеры (с. 97–101). В 1925 г., в ходе подавления внутренней оппозиции и локальных военных походов, созданное на базе школы Хуанпу соединение Чана стало крупнейшим в армии Гоминьдана, а сам он превратился в военачальника номер один своей партии.

В январе 1926 г. он впервые вошел в ЦИК Гоминьдана, в феврале стал главным инспектором Национально-революционной армии, а в марте 1926 г., обвинив коммунистов в заговоре, провел бескровный переворот. Благодаря ему он поприжал своих недоброжелателей в Гоминьдане и в советнической группе — последних обвинил (не без оснований) в превышении полномочий и вынудил Москву убрать их из Гуанчжоу, ослабил влияние КПК в армии и в Гоминьдане. Руководство СССР настолько верило в успех своей политики радикализации Гоминьдана, что предпочло пойти навстречу Чану, открыв ему путь к лидерству в партии — он возглавил Политсовет ЦИК (с. 101–119). Взлет 38-летнего генерала, отмечает А.В. Панцов, был обеспечен эмиссарами Москвы, сначала сделавшими все возможное для укрепления школы Хуанпу и позиций ее начальника, а затем фактически спровоцировавшими его на конфликт, оказавшийся ему выгодным (с. 120). Более того — вопреки запретам московского руководства, рассчитывавшего на политическую радикализацию Гоминьдана внутри юнокитайской революционной базы, летом 1926 г., по настоянию Чан Кайши, был начат завещанный Сунь Ятсеном Северный поход для объединения страны, который Чан и возглавил.

События Северного похода 1926–1927 гг., в ходе которого образовались два альтернативных центра власти Гоминьдана — в Ухани, сотрудничавший с коммунистами, и в Наньчане (потом в Нанкине), который контролировал Чан Кайши, не заслонили от автора личную жизнь героя. В то время, пока армия Гоминьдана занимала бассейн Янцзы и Юго-Восточный Китай, руководство советников и уханьские лидеры интриговали против Чан Кайши, а тот разворачивал борьбу с коммунистами на подконтрольных территориях, пока эмиссары Коминтерна и КПК выполняли инструкции Москвы, рассорившие их летом 1927 г. даже с «левым» уханьским Гоминьданом, и в Китае начиналась гражданская война, успешно

развивался роман Чан Кайши с Сун Мэйлин, свояченицей (сестрой жены, к тому времени вдовы) Сунь Ятсена, принадлежавшей к влиятельному чжэцзян-шанхайскому клану Сун. В августе 1927 г. Чан подал в отставку с военных и партийных постов, давая союзникам прочувствовать его нужность, и использовал краткий политический тайм-аут для подготовки пышной свадебной церемонии, в декабре 1927 г. собравшей шанхайский бомонд и руководство консульского корпуса (с. 145–146). Новый matrimonialный союз стал результатом не только политического расчета, но и искреннего чувства. Предварительно он урегулировал отношения с первой женой и сыном Цзинго, будущим лидером Гоминьдана, юридически закрепив их права в традиционной системе родственных связей, а также с официальными наложницами (одна воспитывала его приемного сына Вэйго, будущего генерала, другая — приемную дочь). Еще он дал обещание теще заняться изучением Библии (с. 143), впрочем, христианскую литературу он штудировал с неподдельным рвением, в чем находил всемерную поддержку жены и ее семьи. Медового месяца у молодых не было: уже в начале января 1928 г. Чан Кайши вернулся на пост главкома и начал подготовку к завершению кампании.

Часть третья — «Между Сциллой и Харибдой» — охватывает 1928–1935 гг., почти все так называемое нанкинское десятилетие (1927–1937 гг.), когда Китай номинально управлялся правительством в Нанкине. Уже в конце 1927 — начале 1928 г. нанкинский центр представлял коалицию конкурировавших группировок, к которым в ходе военной кампании примыкали вчерашние соперники, требовавшие своей доли в системе власти. В конце 1928 г. Политсовет ЦИК Гоминьдана объявил об окончании периода «военного правления» и начале однопартийной «политической опеки». «Сцилла и Харибда», о которых говорится в названии раздела — это КПК, за спиной которой стоял СССР, и императорская Япония, в сентябре 1931 г. оккупировавшая Маньчжурию и начавшая «ползучую» оккупацию Северного Китая. Помимо них ситуация в стране раскачивали гоминьдановские фракции и региональные клики, вступавшие в союзы и периодически затевавшие войны с Нанкинским правительством (считается, что перипетии этих столкновений и принесенный в тяжелой военной ситуации обет побудили его в 1930 г. принять крещение в методистской епископальной церкви, (с. 172–73).

Непросто выстраивались и отношения Нанкина с другими государствами, помимо

СССР и Японии. Ряд государств отказались от таможенных льгот, некоторых концессий и колониальных владений в Китае, но переговоры, касавшиеся других преимуществ держав, шли трудно. А.В. Панцов рассматривает проблемы внешней и внутренней политики, с которыми столкнулся Чан Кайши, вынужденный уступать ведущие посты в партии и государстве соперникам для достижения компромисса. Внешнюю опору он пытался найти в Германии, которая, по его мнению, «не имела не только союзников внутри Китая, но и не преследовала великодержавных интересов» (цит. по: с. 164). Немецкие советники проводили в Китае военную реформу, германские промышленники поставляли технику и вооружение в обмен на сырье (с. 176–78).

Вдохновляющие примеры Чан Кайши и его сторонники черпали также в немецких политических организациях и их идеологии. Прочанкайшистские сообщества, связанные с военной школой Хуанпу, не стеснялись искать вдохновляющие примеры в нацистском движении, скорее в «вождизме», имевшем уже итальянские, турецкие, венгерские и иные корни (с. 180, 205–207). Правда, источники опыта, который казался полезным, были разнообразными: так, своего рода «аналогами ГПУ» были чанкайшистские спецслужбы — партийная и военная (с. 178).

В условиях гражданской войны и внешней агрессии нанкинское правительство принимало меры к преобразованию законодательства, в том числе трудового, земельного и налогового, к развитию системы образования, строило дороги, развивало промышленность и пыталось реформировать армию центрального подчинения (с. 177–178, 180–184). Проблемой для него стало антияпонское движение, подпитывавшееся пропагандой КПК, обвинявшей Нанкин в предательстве национальных интересов, на чем спекулировали и соперники Чана в Гоминьдане, тогда как правительство вынуждено было «умиротворять» Японию, понимая неготовность Китая к войне. Отсюда попытки Нанкина подтолкнуть СССР к противостоянию с японцами, не нужному Москве (с. 188–189).

Интрига «Чан Кайши vs Сталин» — одна из важных линий, выстраивающих политическую судьбу китайского лидера и повествование в книге А.В. Панцова. В 1927 г. первый этап этой интриги завершился в пользу Чана. В середине 1930-х московское руководство, избегая осложнений с Японией, в то же время старалось не допустить капитуляции Чан Кайши. Тот, параллельно с военными операциями против КПК, к 1935 г. начал искать контакты с ее

руководством (с. 219–221). Как своего рода ответ Москвы на усилия Чан Кайши А.В. Панцов рассматривает курс VII Всемирного конгресса Коминтерна (июль—август 1935 г.) на создание антифашистского (на Западе) и антияпонского (на Востоке) фронтов. В этом направлении Москва и начала подталкивать Гомиьндан и КПК, которая вела переговоры с командирами китайских войск, вытесненных из Маньчжурии.

Следующая, четвертая часть, «Pro et contra», начинается с рассказа о так называемых сианьских событиях конца 1936 — начала 1937 г. Они поставили Чан Кайши на грань смерти, но в итоге обеспечили возможность сохранения независимости Китая, во многом благодаря вмешательству СССР.

В декабре 1936 г. Чан Кайши прибыл в Сиань, центр провинции Шэньси, для инспектирования войск. Их возглавляли Чжан Сюэлян, бывший хозяин Маньчжурии, и командующий 17-й армией Ян Хучэн, сторонники сопротивления Японии, блокировавшиеся с коммунистами. Они попытались силой принудить Чана к сотрудничеству с КПК, но захват его резиденции был проведен неуклюже, полуодетый и босой Чан Кайши сбил ноги в кровь, получил травму и сильно простыл, пытаясь скрыться от штурмующих, а потом так и не простил своего унижения. Москва ответила на его арест статьёй в «Правде», где вина за события возлагалась на «японские элементы», и велела компартии завершить дело миром. Чан был освобожден в обмен на обещание прекратить карательные акции и дать отпор Японии (с. 224–250). Политическую заинтересованность в Чан Кайши Москва подтвердила весной 1937 г., отпустив к нему сына Цзян Цзинго, который с 1925 г. учился и работал в СССР (с. 252–258). Связанная с последней фигурой сюжетная линия становится весомой частью изложения ближе к концу книги, по мере освещения исторических периодов, в течение которых возрастала значимость Цзян Цзинго в гомиьндановском руководстве.

Примечательно, что широкомасштабная японская агрессия началась в июле 1937 г., когда Чан Кайши вел переговоры с представителями КПК и уже достиг договоренности о прекращении гражданской войны. Таким образом, усилия Москвы оказались не напрасны. Еще в преддверии этих событий, в марте 1937 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о предоставлении Китаю оружия и техники (с. 272). Поскольку единственным источником военной техники и оружия для Китайской Республики в 1937 г. была гитлеровская Германия (Китай получал 37% ее военного экспорта, в

три раза больше, чем Япония, с. 270), поставки из СССР и участие советских летчиков в боях сильно повышали шансы страны на выживание. Когда 3 декабря 1937 г. Чан Кайши через посла Германии получил японские предложения о развитии сотрудничества и совместной борьбе против коммунистов в обмен на признание Маньчжоу-го, независимости Внутренней Монголии и присутствие японских войск на Севере, то демонстративно дал отрицательный ответ, только получив заверения Москвы в продолжении поддержки (с. 275–276). Зато с апреля 1938 г. в такой поддержке Китаю отказала Германия, а страну покинули большинство немецких советников (с. 284–285).

А.В. Панцов описывает ход военной кампании в 1937–1938 гг., зверства японцев, поражения китайской армии и ее редкие успехи, внутреннюю ситуацию в Китае, обстановку в военной столице Китая Чунцине, быт и заботы Чана и его окружения. В марте 1938 г. на чрезвычайном съезде Гомиьндана Чан Кайши впервые был признан единоличным лидером партии и нации, получив пост *цзунцзая* («главного распорядителя»), т.е. сравнявшись в статусе с Сунь Ятсенем — *цзунли* Гомиьндана (термин со схожей семантикой, применяется также для перевода слова «премьер»). Его заместитель и старый соперник по влиянию в партии, Ван Цзинвэй, некогда лидер «левых», в конце того же года перебежал к японцам, где вокруг него стали собираться коллаборационисты. Помимо неудач на фронте, японских бомбежек и предательства влиятельных однопартийцев, Чан волновало обострение отношений с коммунистами и охлаждение Москвы. Весной 1939 г. она стала оттягивать соглашение о новом, самом крупном займе. А.В. Панцов полагает, что это было вызвано участвовавшими столкновениями коммунистических и гомиьндановских формирований (с. 305–307). В июне торговый договор и контракты о поставках были заключены, но их реализация оттягивалась на месяцы. Встревожили Чана также советско-германский пакт о нейтралитете, введение советских войск на польскую территорию и советско-финская война (с. 309–311). Но катализатором замораживания отношений СССР с Китаем стало голосование в Лиге Наций в декабре 1939 г., когда Китай не воспользовался правом вето при голосовании за исключение СССР (с. 311).

Название пятой части — «Судьба Китая» — подчеркивает, что именно в рассматриваемый период, в 1940–1945 гг., решалось, какое место Китай займет в мире в ближайшие десятилетия и будет ли у него будущее вообще. В

1940 г. судьба страны буквально висела на волоске. СССР начал сворачивать свою помощь. Зато стали развиваться отношения с США, увидевшими в Китае перспективного партнера в свете ухудшающихся отношений с Японией. Китай стал получать займы, часть которых мог тратить на закупки американского оружия, и получил право на закупку боевых самолетов и наем авиаперсонала в США. Весной 1941 г. были одобрены поставки в Китай по ленд-лизу. И хотя с конца 1940 г. СССР вновь стал поставлять оружие и технику, это продолжалось только до июня 1941 г. К тому же в апреле 1941 г. СССР заключил с Японией пакт о ненападении и признал территориальную целостность Маньчжоу-го, так что США стали превращаться в основной источник внешней помощи для Китая. А когда в декабре 1941 г. США и Великобритания вступили в войну с Японией, торжествующий Чан Кайши, ставший весьма набожным, устроил себе патефонное прослушивание «Аве Мария» (с. 336–339). В союзнической «Декларации Объединенных Наций» от 1 января 1942 г., подписанной представителями 26 стран, министр иностранных дел Китая расписался сразу после официальных лиц США, Англии и СССР (с. 340). Чан Кайши было предложено взять на себя верховное командование на китайском театре военных действий, включавшем также часть территории Юго-Восточной Азии.

Существенное внимание в книге уделено отношениям Чан Кайши с американскими эмиссарами: О. Латтимером (советник в 1940–1942 гг., первым предложивший признать Китай равноправной великой державой); руководителями военных миссий Дж. Макгрудером, Дж. Стилуэллом, А. Ведмейером; посланниками президента США П. Хэрли и Дж. Маршаллом и другими иностранными представителями и советниками. Особое место отведено Стилуэллу, который считал режим Чан Кайши неэффективным и коррумпированным, попортил Чану много крови и подорвал доверие к нему у властей США (с. 379–384).

Не оставлены без внимания и неприятные контакты Чан Кайши с Великобританией. Британцы не сразу согласились принять помощь китайской армии в боях за Бирму, в то время британскую колонию. Чан фрондировал, встречаясь с лидерами индийского национального движения. И хотя китайские дивизии воевали в Бирме, две из них прошли переобучение и перевооружение в Британской Индии, через которую Китай получал американскую помощь, англичане не желали признавать в Чан Кайши равного партнера (с. 340–344 и др.).

Ударом для Чана оказалось решение союзников о проведении в 1944 г. операции в Нормандии, тогда как в 1943 г. на Каирской конференции ему обещали десант на юге Бирмы, который должен был снять блокаду с сухопутного пути в Китай (с. 368–370). Как предательство расценил он и результаты Ялтинской конференции в феврале 1945 г., на которой лидеры держав согласились на получение Советским Союзом концессий в Китае (Далянь и Люйшунь) и совместную советско-китайскую эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (с. 387–388). Соответственно, китайская сторона имела основания рассматривать как неравноправный договор с СССР о дружбе и союзе, заключенный в августе 1945 г. и вызвавший протесты китайской общественности (с. 394).

Пятая часть завершается описанием трений между Гоминьданом и КПК в 1945–1946 гг. Ни Запад, ни Москва не желали конфликта в Китае, чреватого мировой войной, и вместе подталкивали участников китайского «дерби» к переговорам. Гоминьдану пришлось изобразить переход к «конституционному правлению», а КПК демонстрировала готовность к сотрудничеству, при этом вытесняя Гоминьдан, где это было возможно, и отвлекая свою и зарубежную общественность мороком «новой демократии» — якобы длительной многоукладности экономики и многопартийности при ведущей роли компартии (эта идея была подсказана Мао Цзэду коминтерновским курсом «единого фронта», из которого вырастала дезориентирующая либералов концепция «народной демократии»). КПК и Москве удалось на время убедить американский истеблишмент в том, что главным препятствием на пути к созданию демократического Китая является Гоминьдан (с. 395–417).

Озаглавленная словами китайской поговорки четвертая часть — «Имея волю, добьешься победы» — открывается параграфом под красноречивым названием «Катастрофа». Чан Кайши саботировал рекомендации американцев осуществить экономические реформы, покрывал коррупционеров в ближайшем окружении, проводил политику, приводившую к раскручиванию инфляции и вызывавшую недовольство всех слоев населения, в том числе тех, которые традиционно поддерживали Гоминьдан. Массовое недовольство жестоко подавлялось — только на Тайване в феврале 1947 г. было убито до 20 тыс. человек (с. 418–419). Не церемонился Чан и с коммунистами, но занятие Яньани, коммунистической «столицы», в марте 1947 г. стало его последним успехом. И хотя власти США

сняли введенное в 1946 г. эмбарго на поставку вооружений в Китай, которым пытались наказать Чан Кайши за несговорчивость (с. 419–420), на внутренних фронтах Гоминьдан терпел поражения. От него отмежевалась часть однопартийцев, сделавших ставку на союз с КПК: в начале 1948 г. была создана партия Революционный комитет Гоминьдана, почетным председателем которой стала свояченица Чана Сун Цинлин (с. 421). «Ручное» Национальное собрание избрало Чан Кайши президентом, но в начале 1949 г. он подал в отставку, перед этим введя в стране военное положение. Его формальный преемник Ли Цзунжэнь пытался вступить в переговоры с коммунистами, но они были прерваны из-за несговорчивости КПК. Чан бросился создавать «чрезвычайные комитеты», однако они были бессильны что-то изменить.

В последних параграфах сконцентрирована информация о тех аспектах тайваньского правления Чан Кайши, которые мало освещались в отечественной литературе. Так, А.В. Панцов показывает процесс продвижения идеи о помощи Тайваню в американском истеблишменте, двойственность положения тайваньского режима, который формально оставался полномочным представителем Китая в ООН, и в то же время служил для США инструментом политических игр (с. 437–444). Продемонстрировано использование опыта КПК при реформировании Гоминьдана (с. 446–451), интриги внутри тайваньского режима, направленные против Чан Кайши. Его противниками оказывались, например, губернатор Тайваня К.С. У, бежавший в США в 1953 г.; министр обороны, герой бирманских кампаний Сунь Лижэнь, просидевший под домашним арестом с 1955 по 1988 г.; командир танковой дивизии Чжао Чжихуа, сменивший на этом посту сына Чан Кайши Цзян Вэйго и через год, в 1964 г., поднявший мятеж.

Отдельный параграф посвящен политической жизни Тайваня, отношениям чанкайшистского режима с США и представителями американской элиты. В заключительном параграфе особый интерес представляют сведения о переговорах, которые вели советские эмиссары с представителями тайваньского режима, о под-

держке некоторыми представителями советской политической элиты (А.Я. Пельше и А.Н. Шелепин) идеи союза с Тайванем на антимаоистской основе (с 479–481).

Последним потрясением для Чана стали политические игры президента Никсона, вынудившего Тайвань в 1971 г. уступить в ООН место Китайской Народной Республике. В 1972 г. Чан слег, полгода провел в коме и потом до самой смерти в 1975 г. не вставал с постели. Последняя запись в его дневнике началась с традиционного напоминания: «Отомстим за позор» (с. 485). Еще много лет после его смерти Китайская Республика на Тайване жила в режиме «борьбы с коммунистическим мятежом», которую он вел до последнего вздоха. Бразды правления партией и государством принял его старший сын Цзян Цзинго.

Почти в каждом параграфе на фоне политических и военных событий прослеживаются жизненные линии близких главному герою людей — жен, наложниц (которые были у него до породнения с христианской семьей Сун), детей и внуков, в том числе приемных и неофициальных (двое побочных детей Цзян Цзинго не получили родовую фамилию, но сделали неплохую карьеру на Тайване — Чан и его сын были чадолюбивы). Тема личных отношений, не исключая адюльтеров (здесь вне конкуренции роман Сун Мэйлин с кандидатом в президенты США У. Уилки, с. 352–354) и семейных тайн, служит раскрытию особенностей культурной и социальной среды, характеров действующих лиц.

Ценность книги А.В. Панцова не только в насыщенности подробностями. Главные ее достоинства — точность описаний и определений, широта охвата исторических процессов и связей, уникальность нового знания, обеспеченного изучением и сопоставлением первоисточников, тщательный учет достигнутый предшественников по исследованию темы, цельность образа главного героя и картины закономерностей и случайностей, определявших его судьбу. Остается пожалеть, что по причинам, изложенным в начале рецензии, российский читатель не получил возможности оценить мастерство историка должным образом.

© 2020

А.Г. Юркевич,

кандидат исторических наук,

доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: urkevich_a@rambler.ru